

**СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ДОН ЖУАНА В ПЬЕСЕ Л. ЖУХОВИЦКОГО
«ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНЩИНА СЕНЬОРА ХУАНА»
THE SPECIFICITY OF THE IMAGE OF DON JUAN IN THE PLAY BY
L. ZHUKHOVITSKY «THE LAST WOMAN OF SENOR JUAN»**

Аннотация: Статья посвящена изучению образа Дон Жуана в пьесе Л. Жуховицкого «Последняя женщина сеньора Хуана». Рассмотрены основные особенности трансформации вечного образа мировой литературы в середине XX века.

Ключевые слова: Дон Жуан; Л. Жуховицкий; трансформация образа.

Abstract: This article is devoted to study of the image of the Don Juan in the play by L. Zhukhovitsky «The Last woman of Senior Juan». This article is based on case distinctive features are considered of the world literature at the early 20th century transformation of eternal image.

Keywords: Don Juan; L. Zhukhovitsky; the transformation of the image.

Дон Жуан – один из вечных образов мировой литературы, который трансформировался в результате смены культурно-исторических эпох. Проблема сравнения образов Дон Жуана в литературе стала темой изучения многих филологов: Е. Д. Ивановой, М. Б. Лоскутниковой, В. В. Онорина, О. В. Астафьевой, А. А. Кулагиной и других. Так, С. Гайжюнас в статье «Дон Жуан XX в. Несколько балто-славянских параллелей» проводит первый сравнительный анализ раскрытия образа Дон Жуана в литовской и русской литературе начала XX века [1]. Сопоставление образов Дон Жуана в XX веке является предметом исследования В. В. Онорина в статье «Особенности интерпретации образов Дон Жуана и Казановы в литературе рубежа XIX–XX вв.», автор выделяет авантюрно-героический сверхтип литературного героя, который сравнивается с Фаустом как демоном познания; исчезает проблема конфликта судьбы и свободы главного героя [3].

Герой пьесы «Последняя женщина сеньора Хуана» Л. Жуховицкого существенно отличается от своих предшественников: это не пылкий юноша, который ищет свой идеал любви, а умудрённый жизненным опытом пятидесятилетний сеньор. Автор стремится осознать, почему память человечества сохранила образ Дон Жуана: «Почему это Хуана женщины любят, а меня нет? За что судьба меня так наказывает?» [2]. Новый сеньор Хуан мало походит на бывшего оболъстителя и покорителя женских сердец, своеобразной иронической и пародийной фигурой выступает хозяин гостиницы, прозванный местными жителями «Сеньор Хуан из Сан-Стефано» [2], который сообщает герою о своих любовных успехах,

именуя себя последователем и учеником дон Жуана. Однако для сеньора Хуана чувство любви не просто удовольствие, оно приравнивается им к самой жизни, счастью, поиску гармонии и переустройству окружающего мира. Так, Кончита, оправдывая распутство героя, замечает, что он «искал свой идеал» [2]. Если герои Т. де Молина, Ж.-Б. Мольера, Дж. Г. Байрона, К. Д. Граббе и А. К. Толстого объясняют свою порочность тем, что не видят в женщинах идеала, сеньор Хуан Л. Жуховицкого сравнивает себя с лекарем, который вылечивает, осчастливляет возлюбленных, а потом теряет к ним интерес, как к здоровым; он утверждает, что «у каждой своя боль. Самая большая радость – снять эту боль» [2]. Хуан-философ способен в каждой возлюбленной увидеть свой идеальный образ. Истинную любовь герой приравнивает к смыслу бытия, вере, которую он не может обрести: «С каждой новой женщиной начиналась новая жизнь. Это как открытие новой страны. И даже... как новая вера... Женщины менялись, а жизнь – нет. Никакой новой веры. И вот тогда мне стало страшно» [2]; он признаётся в том, что в молодости не ценил любовь, а с возрастом не может её найти.

Главный герой анализирует прошлое и настоящее («Да мне даже не вспомнить, сколько жизней я прожил» [2]), приходит к переосмыслению жизненных ценностей и ориентиров, осознанию близости смерти и бессмысленности, мимолетности и бесполезности человеческого существования без высоких целей и идеалов, о которых люди не задумываются в повседневности («Жизнь слишком коротка, ее хватает на поступки, а понять их суть времени уже нет» [2]; «Мы устали, мы не думаем о вечности» [2]); всё зависит от рока и судьбы, финал которых неизбежная смерть («А ведь стоит лошадям оступиться... Пропасть, на камни – и полный покой. На веки веков – покой!» [2]). Он разочарован, как и герои Т. де Молина, Ж.-Б. Мольера, Дж. Г. Байрона, К. Д. Граббе и А. К. Толстого, что не смог изменить окружающее его общество, несмотря на высокие цели и устремления («Жизнь несправедлива, а я её не сделал лучше» [2]); как и его предшественники, сеньор Хуан честолюбивый, принципиальный («У меня мало принципов, но один есть: я никому никогда ничего не обещаю»), отважный, храбрый, но разочарованный («Проживу ещё двадцать лет. А зачем?... Несколько лет я не знаю, зачем мне утром просыпаться» [2]). Жизнь и смерть в сознании Хуана-философа становятся равными категориями, он ищет способ умереть, несколько раз повторяет, что устал от жизни, дважды специально опускает шпагу в сражениях и с сеньором Карлосом, и с Михо, но в то же время говорит о том, что не находит ни смерти, ни смысла существования: «Я действительно не хочу умереть. Но и жить – тоже не хочу... всё равно: жить или не жить. Можно жить, а можно и не жить» [2]. Двойником героя выступает сеньор Карлос, брат убитого Хуаном капитана, который двадцать лет преследовал обидчика, теперь не знает «во имя чего жить потом». Первый персонифицирует идею любви и со страхом осознаёт, что где-то уже родилась и живёт его последняя женщина, второй – войны и славы, его пугает мысль о том, что родился тот последний человек, которого он убьёт.

Новым в трактовке образа Дон Жуана является то, что Кончита приравнивает его к Богу, который хотел, чтобы люди были добры друг к другу, счастливы и любимы («Чего хотел сеньор Хуан? Чтобы мы были добры! Чтобы мы любили

друг друга! Чтобы обязательно были счастливы!» [2]; «Хуан, который, как Господь всемогущий, любит всех!» [2]), именно поэтому ему позволено все. Однако главный герой не обнаруживает в себе божественное начало, хотя также осмысляет параллель и взаимосвязь человека и Бога: «Тот на небе, от которого мы зависим, дал нам жизнь. Тот на земле, от которого мы зависим, ее не отнял» [2]; он считает, что человек на земле имеет такую же власть, как и Бог, но его теория встречается с противоречием, когда Михо, Эльвира и сеньор Карлос считают себя вправе распоряжаться и расплачиваться его собственной жизнью.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что герои-антиподы Хуан и Карлос родственны друг другу. Они оба несут разочарование и смерть. Хуан уже не способен на искренние чувства, его отягощает настойчивое внимание людей («... все чего-то хотят! Мою славу, мою любовь, моё время, моё раскаяние, мою жизнь... целые дни я только и слышу на разные голоса „дай, дай, дай“» [2]). Он превратился в разрушителя, после его ухода рушатся судьбы: «После тебя рушится не дом – после тебя рушится мир! Человек должен во что-то верить» [2]. Сеньор Хуан Л. Жуховицкого – воплощение идеи ответственности. Его оправдание – поиск своего идеала в любви («Любовь – это когда задыхаются от нежности» [2]), он мечтал о счастье, о домашнем очаге, где «не будет эгоизма, лицемерия, где не станут чужую жизнь стелить себе под ноги, как половицу» [2]. В то же время герой осознаёт, что он боится оглядываться на прошлое, потому, что «позади только похоть и кровь», которые не искупить и в будущем («Моя старость будет хуже вашей, если будет вообще!» [2]). Герой не находит гармонии с миром и принимает оборонительную позицию по отношению к окружающим, он оправдывает себя тем, что никому не желал зла, «не разбойничал, даже не мстил за обиды», защищался и не мог убежать ни от жизненных обстоятельств, ни от самого себя.

В пьесе Л. Жуховицкого «Последняя женщина сеньора Хуана» трансформируется образ статуи как божьей кары за предшествующие грехи, она мифологизируется, она – образ, использованный в торжественной речи, сочиненной Михо на смерть главного героя («Статуя пришла и, взяв за руку потрясенного сеньора Хуана, вместе с ним провалилась в те глубины, вернуться откуда смертному не дано» [2]). Но роль силы, олицетворяющей высшее наказание, на себя берут служители не Бога, а государства: Исполнитель (не персонифицированный персонаж, имя которого не упоминается) и трое неких людей в сером. Теперь функцию высшего суда берет на себя система, а легенды оставлены легковерному народу: «Он восстал против обычая и власти, поднял руку на то, перед чем смертный должен стоять на коленях. Он сменил сотни женщин... познав женщину, не познал истину... взбунтовался против непознанных сил природы» [2]. Человек получает неограниченную власть созидать и разрушать, управлять судьбами людей и карать за пороки, при этом не несёт ответственности за свои поступки.

Таким образом, можно сделать вывод, что Л. Жуховицкий создал новый тип Дон Жуана: умудренного жизненным опытом Хуана-мыслителя, философа, который осознает греховность прошлой жизни и способен нести ответственность за свои действия, но он не может изменить себя, осознавая бессмысленность и бесполезность своего существования и близость смерти как неизбежного конца,

стремится оградить людей от повторения своего жизненного пути и изменить окружающее его общество через счастье, любовь и поиск идеала.

Библиографический список

1. Гайжюнас, С. Дон Жуан XX века. Несколько балто-славянских параллелей / С. Гайжюнас // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2010. – № 1. – С. 144–150. – <http://elibrary.ru/item/asp?id=15502945> (дата обращения : 22.01.2017).

2. Жуховицкий, Л. «Последняя женщина сеньора Хуана» / Л. Жуховицкий // Театральная библиотека С. Ефимова. – http://www.theatre-library.ru/files/zh/zuhovickiy/zuhovickiy_1.html (дата обращения : 23.03.2017).

3. Онорин, В. В. Особенности интерпретации образов Дон Жуана и Казановы в литературе рубежа XIX–XX веков / В. В. Онорин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 6. – С. 139–142. – <http://elibrary.ru/item/asp?id=15267007> (дата обращения : 21.01.2017).